

Первое, что нужно знать: вины моего отца в том не было. Или невезения, или обмана. И уж точно, никакого проклятия. Я знаю, кое-кто пытается обвинять его, да только он к этому почти никакого отношения не имеет.

И еще вот что скажу: нет в этом и одной только моей вины. Или невезения, или обмана. И уж точно, никакого проклятия.

Ну, ладно.

Немного обмана, пожалуй, было, но совсем чуть-чуть.

Но лучше я начну с начала. С настоящего начала.

Началась эта история девятнадцать лет назад в день зимнего солнцестояния, во время редкой Незакатной Луны.

Хотя точнее было бы сказать, что началось все в стародавние времена, когда чудовища еще свободно проходили сквозь завесу, которая теперь отделяет их от смертных, и демоны иной раз влюблялись.

Но для моего рассказа важно, что началось все во время Незакатной Луны. Небо было мрачно-серое, а над землей, предвещая бурю, разносился леденящий душу вой гончих псов и топот копыт. Дикую Охоту видали здесь и прежде, но в тот год она явилась не только за пропащими грешниками, никчемны-

ми пропойцами, да непослушными детьми, которые озорничали в самое неподходящее время. Другим был тот год — ведь Незакатная Луна наступает лишь тогда, когда зимнее солнцестояние совпадает с самым что ни на есть полным полнолунием.

Это единственная ночь, когда великим богам приходится принимать звериное обличье. Они становятся огромными. Мощными. И поймать их почти невозможно. Но, если повезет, если ты будешь достаточно ловким и поймаешь такую добычу, бог исполнит твое желание.

Вот чего искал в ту роковую ночь Ольховый Король. Собаки выли и ярились, преследуя одно из таких чудовищных созданий. Ольховый Король выстрелил из лука, и его стрела пронзила громадное золотое крыло зверя. Король был уверен, что его желание исполнится.

Но зверь, хоть и был ранен, с поразительной силой и ловкостью вырвался из кольца гончих и скрылся в чаще Ясеневого леса. Псы бросились в погоню, но чудовище исчезло, дело близилось к рассвету, и охоту пришлось прекратить.

Над снежным покрывалом едва забрезжил утренний свет, и молодой мельник, проснувшись рано, отправился на реку, чтобы проверить, не стала ли река и не вмерзло ли мельничное колесо в лед. Тут-то он и увидел чудовище, прятавшееся в тени колеса. Оно очень ослабело и, наверное, давно бы умерло, если бы боги могли умирать. Из окровавленных перьев торчала стрела с золотым наконечником.

Мельник очень испугался, но все-таки растерял не всю свою храбрость. Он подошел ближе, с трудом

обломил и вытащил стрелу. Едва он это сделал, как зверь превратился в бога историй. Поблагодарив мельника за помощь, он сказал, что исполнит одно его желание.

Долго думал мельник, что попросить, и в конце концов признался, что недавно полюбил девушку из деревни — добросердечную и свободную духом. Он хотел, чтобы бог даровал им дитя, здоровое и крепкое.

Бог кивнул и сказал, что выполнит желание.

На будущий год, к зимнему солнцестоянию мельник женился на девушке из деревни, и родилась у них дочь. Девочка была здоровой и крепкой — бог историй не обманул мельника.

Но у каждой истории есть две стороны. Герой и злодей. Тьма и свет. Благословение и проклятие. Мельник не знал, что бог историй был также и богом лжи. Богом-шутником.

Вместе с благословением от «крестного» девочка получила особую отметину — глаза, которым нельзя доверять, с радужными оболочками, черными, как сама тьма, и окруженными золотым ободком с восемью тоненькими золотыми спицами. Колесо рока и фортуны — а оно, как вам хорошо известно, является величайшим обманом на свете.

Такие странные глаза подсказывали каждому, кто их видел, что этого ребенка коснулась древняя магия. Пока девочка росла, суеверные жители деревни старались избегать ее — из-за странного взгляда и череды несчастий, которые, казалось, следовали за ней по пятам: зимой — ужасные метели, летом — засуха, болезни, поражавшие посевы, скот, который то и дело терялся. Однажды ночью исчезла даже ее мать...

Разумеется, проще всего было обвинить во всех этих ужасных событиях странного, оставшегося без матери ребенка с жуткими глазами.

Самой предосудительной была, пожалуй, привычка, которая появилась у девочки, едва она пролепетала первые слова. Она без удержу плела небылицы, выдумывала невероятные, диковинные истории. Ее язык будто не отличал правду от лжи. Со временем она научилась извлекать из своих историй выгоду. Но, хотя другие дети были в восторге от ее рассказов — прихотливых и полных очарования, — взрослым это пришлось не по нраву.

Они называли ее нечестивой, презренной лгуницей, а всем известно, что такие люди ничуть не лучше убийц или тех, кто вечно напрашивается на угощение, но никогда не платит за выпивку. Одним словом, ребенок был проклят, и все это знали.

...Но вот теперь боюсь, не ввела ли я вас в заблуждение, едва успев начать свой рассказ.

Оглядываясь назад, могу допустить, что в чем-то мой отец все-таки был виноват. Наверное, ему следовало понимать — нельзя соглашаться, чтобы бог исполнял твое желание.

Но с другой стороны... а вы бы не согласились?

Первый день Нового Года

СНЕЖНАЯ ЛУНА

Фрау Зауэр была ведьмой. Самой настоящей — не в том смысле, какой вкладывают в это слово иные вредные людишки, описывая малоприятную и неухоженную женщину (впрочем, фрау Зауэр именно так и выглядела). Нет, Серильда была убеждена: во фрау Зауэр таятся древние силы, и каждое новолуние она наслаждается, общаясь во мраке с духами полей.

Доказательств было маловато. Скорее, догадки. Но кем же еще могла быть старая учительница, с таким скверным характером и желтоватыми, острыми зубками? (Честно — только присмотритесь, и сами увидите, они у нее как иголки, особенно, если свет падает с нужной стороны, или когда она, как обычно, ворчит на своих несчастных воспитанников.) Жители городка, разумеется, обвиняли Серильду в каждой мелкой неудаче, но она-то знала, что ни при чем. Если кого и следовало винить, так только фрау Зауэр.

Наверняка она готовит зелья из ногтей с пальцев ног и держит фамильяра — горного тритона, скользкого и противного. Такой ей как раз подошел бы.

Нет, нет, нет! Вы все неправильно поняли. Серильде очень нравились горные тритоны. Она ни за что

не пожелала бы им такого ужаса — оказаться духовно связанным с жуткой старухой.

— Серильда, — заговорила фрау Зауэр, бросив на нее злобный взгляд. Во всяком случае, Серильда предполагала, что злобный взгляд был брошен. Видеть ведьму она в этот момент не могла, потому что скромно потупила глаза и смотрела на грязный школьный пол.

— Ты, — продолжала учительница медленно и язвительно, — не дитя бога Вирдита. Как и любого другого из древних богов, если на то пошло. Твой отец — человек уважаемый, почтенный, но он не спасал никаких мифических существ, раненных во время Дикой Охоты! Истории, которые ты рассказываешь детям... Эти истории... они...

Нелепы?

Абсурдны?

Довольно забавны?

— Вредны! — выпалила фрау Зауэр, забрызгав Серильду слюной. — Чему они учат? Внушают им, что ты не такая как все? А твои басни — дар богов? Наш долг прививать детям добродетели — честность и смирение! Они слушали тебя всего час, а ты умудрилась перечеркнуть все, над чем я трудилась целый год!

Серильда поморщилась. Когда ей показалось, что поток обвинений фрау Зауэр иссяк, она сделала глубокий вдох, готовясь защищаться. В конце концов, это всего лишь история, да и что фрау Зауэр об этом знает? Может быть, отец Серильды и правда спас бога лжи в ту ночь зимнего солнцестояния? Он сам рассказывал ей, когда она была маленькой. И она сверялась с астрономическими картами! В тот год действительно была Незакатная Луна, и этой зимой наступит снова.

Но до этого события еще почти год. Целый год, чтобы придумывать восхитительные, фантастические сказки, внушать страх и пугать этих маленьких гусят, которым волей-неволей приходится ходить в эту бездушную школу.

Бедняжки.

— Фрау Зауэр...

— Ни слова!

Серильда закрыла рот.

— Довольно! Я на всю жизнь наслушалась твоей кощунственной болтовни! — прорычала ведьма и злобно запыхтела. — Ах, почему боги не избавят меня от такой ученицы?!

Серильда прочистила горло и попыталась продолжить разговор спокойно и миролюбиво:

— Вообще-то, я уже не ученица. Вы забыли, наверное, что я помогаю здесь, добровольно трачу на это свое время. Так что я скорее помощница, чем ученица. И... вероятно, мое присутствие вам чем-то полезно, вы ведь не говорили мне, чтобы я больше не приходила. Пока не говорили...

Она подняла глаза, заискивающе улыбаясь.

Ведьма ей не нравилась, и она отлично знала, что фрау Зауэр тоже ее недолюбливает. Но навещать школьную детвору, помогать им с уроками, рассказывать истории, которых фрау Зауэр не слышала, — это были те немногие вещи, которые приносили радость. Если бы фрау Зауэр велела ей больше не появляться, Серильду бы это очень расстроило. Только дети — все пятеро — не видели в ней то, что омрачает жизнь их безупречного и уважаемого общества.

Скажем больше, мало кто из горожан вообще осмеливался смотреть на Серильду. Их пугали золотые искры в ее глазах. Иногда ей казалось, что бог не слу-

чайно отметил ее: нельзя смотреть людям в глаза, когда врешь. Однако Серильда без труда могла выдержать чей угодно взгляд — и неважно, врала она при этом или нет. А вот другим обитателям городка сложно было отвечать ей тем же.

Всем, кроме детей.

...Не может она от них уйти. Они нужны ей. И ей нравилось думать, что и она, возможно, тоже им нужна.

А еще, если фрау Зауэр ее выгонит, придется искать работу в городке — а там, насколько Серильда знала, требовались только... *пяхи*.

Гадость.

Но лицо фрау Зауэр оставалось мрачным. Холодным. Едва ли не злобным. Мешочек кожи под ее левым глазом подергивался — верный признак того, что Серильда зашла слишком далеко.

Резко взмахнув рукой, фрау Зауэр схватила лежащий на учительском столе ивовый прут и взмахнула им. Серильда отпрянула — инстинктивное движение, появившиеся за годы, когда она была ученицей. Уже несколько лет ее не хлестали по тыльным сторонам ладоней, но она до сих пор вздрагивала при виде прута. До сих пор помнила слова, которые ее заставляли повторять при каждом ударе.

Ложь — это зло.

Ложь — дело демонов.

Мои истории лживы, следовательно, я лгунья.

Было не так уж больно, хуже другое: если люди не верят, что ты говоришь правду, они перестают тебе верить и в остальном. Они не верят, что ты не ворешь. Не верят, что ты не жульничаешь. Не верят,

что ты можешь быть ответственной и заботливой. Тень падает на всю твою репутацию, и это казалось Серильде очень несправедливым.

— Серильда Моллер, не думай, что я не смогу выбить из тебя дурь, раз уж ты выросла, — сказала фрау Зауэр. — Бывших учениц у меня не бывает.

Серильда опустила голову.

— Простите. Это больше не повторится.

Ведьма посмотрела на нее исподлобья.

— К несчастью, мы обе знаем, что это просто еще одна ложь.

Выйдя из школы, Серильда плотнее закуталась в плащ. Еще оставался час дневного света — уйма времени, чтобы добраться до мельницы, — но эта зима выдалась самой холодной на ее памяти. Снега было почти по колено, а санные колеи превратились в опасные, скользкие ледяные дорожки. Башмаки и чулки промокнули задолго до того, как она окажется дома. Серильда заранее ежилась при мысли об этом и мечтала поскорее очутиться у огня, который отец развел в очаге, с миской дымящегося бульона, который она будет пить, грея онемевшие пальцы. Зимние возвращения домой из школы были единственным временем, когда Серильда жалела, что они живут так далеко от города.

Набравшись храбрости, она набросила капюшон на голову и устремилась вперед. Опустив голову пониже, скрестив на груди руки, она старалась шагать быстрее, но при этом не поскользнуться на льду, предательски присыпанном свежеснежавшим, легким, как пух, снежком. В морозном воздухе тянуло дымом из труб — в окрестных домах топили печи.

Нового снегопада вечером не предвиделось, небо очистилось от грозных серых туч. Снежная Луна

будет видна во всей красе и, хотя это полнолуние не столь значительно, как в сочетании с солнцестоянием, Серильда предвкушала настоящее чудо — полную луну в первую ночь нового года.

Мир полон маленьких чудес, надо только захотеть их найти. А Серильда всегда этого хотела.

— Охота, как и все мы, будет праздновать поворот года, — прошептала она, чтобы отвлечься и не стучать зубами от холода. — Демоны пронесутся над землей, а потом станут пировать, есть дичь, которую добудут, и пить глинтвейн, приправленный кровью...

Что-то сильно ударило Серильду в спину между лопатками. Вскрикнув, она обернулась, поскользнулась и с размаху уселась в сугроб, как на подушку.

— Попала! — раздался восторженный вопль Анны, потом — крики и взрывы смеха.

Дети, хохоча, появились из укрытий — пять фигурок, закутанных в несколько слоев шерсти и меха, выпрыгивали из-за стволов, тележных колес и разросшихся кустов, покрытых сосульками.

— Почему ты так долго? — спросил Фриш. Рукой в варежке он держал наготове снежок, а Анна, чуть в стороне, поспешно лепила следующий. — Мы почти час тебя ждали. Никель уже начал ныть, что обморозится!

— Очень уж тут холодно, — отозвался близнец Фриша Никель, прыгая с ноги на ногу.

— Ой, заткнись. Вон, даже детка не жалуется, а ты скрипишь, как несмазанное колесо.

Пятилетняя Гердрут, самая младшая, повернувшись к Фришу, недовольно нахмурилась.

— Я не детка! — крикнула она и метнула в него снежок. Прицелилась она точно, но снежок не долетел, а с унылым *плюх* шлепнулся у ног мальчика.

— Да я же просто для примера, — заявил Фриш, в его устах это было почти извинение. — Я знаю, что ты вот-вот станешь старшей сестрой, и все такое.

Это мгновенно погасило гнев Гердрут, и девочка, задрав нос, гордо фыркнула. В компании детей ее считали малышкой не только из-за возраста. Уж очень мала она была для своих лет — хорошенькая, как кукла, с россыпью веснушек на круглых щеках и морковно-рыжими кудряшками, которые невозможно пригладить, — хоть и старалась не отставать, подражая Анне во всех ее проделках.

— Главное, мы все продрогли, — сказал Ханс. — Так что нечего изображать подбитого лебедя.

В свои одиннадцать Ханс был в компании старшим. Он любил верховодить, и в школе поддерживал свой статус вожака и защитника, а остальные охотно соглашались.

— Говори за себя, — возразила Анна и, как следует замахнувшись, запустила новым снежком в тележное колесо, валявшееся на обочине. — Я вот не замерзла.

— Только потому, что целый час расстреливала колеса, — пробурчал Никель.

Анна широко улыбнулась, продемонстрировав отсутствие нескольких зубов, и перекувыркнулась. Гердрут восторженно пискнула — из всех акробатических трюков она пока освоила только кувырки, — и поспешила следом за подругой.

— И зачем же вы столько времени караулили меня в засаде? — спросил Серильда. — Разве дома вас не ждет натопленный очаг?

Гердрут остановилась, широко расставив ноги, к ее кудряшкам прилип снег.

— Мы ждали, когда ты доскажешь историю до конца! — Она больше всех любила страшные сказки, хотя

слушала их, уткнувшись носом Хансу в плечо. — Про Дикую Охоту, бога лжи и...

— Ну уж нет, — решительно покачала головой Серильда. — Нет, нет, нет. Фрау Зауэр меня снова отругала, так что это было в последний раз. Больше никаких сказок. Теперь вы от меня будете слышать только скучные новости и самые обычные, всем известные вещи. Знаете ли вы, например, что, сыграв на цимбалах три определенных ноты, можно призвать демона?

— Ты это выдумала, — недоверчиво протянул Никель.

— Вот и нет. Это правда. Спроси любого. О! Кстати, единственный способ убить упыря-нахцера — засунуть ему в рот камень. Тогда он не сможет сам себя сожрать, пока ты рубишь ему голову.

— Да, такие полезные сведения могут пригодиться, — сказал Фриш, хитро улыбаясь.

Они с братом были похожи как две капли воды — голубые глаза, пушистые светлые волосы, подбородки с ямочками, — но понять, где кто, было нетрудно. Фриш вечно искал приключений, а Никель, казалось, стыдился, что они родственники.

Серильда серьезно кивнула.

— Моя задача — подготовить вас к взрослой жизни.

— Фу, — сказал Ханс. — Решила поиграть в училку, да?

— Я и есть ваша учительница.

— Никакая ты не учительница. Ты просто помогаешь фрау Зауэр. Да и то, она только потому тебе позволяет, что ты можешь утихомирить малышей, а у нее не получается.

— Это ты про нас? — спросил Никель, указывая на себя и остальных. — Это мы-то малыши?

— Нам почти столько же лет, что и тебе! — добавил Фриш.

Ханс фыркнул.

— Вам по девять лет. Младше на целых два года. Это же целая вечность!

— Не ровно два года, — сказал Никель и начал загибать пальцы. — У нас день рождения в августе, а у тебя...

— Хорошо, хорошо, — прервала Серильда, которая уже много раз слышала эти споры. — Для меня вы все еще маленькие, и мне пора всерьез задуматься о вашем образовании. Хватит забивать себе головы ерундой. Боюсь, время сказок закончилось.

Ее слова были встречены хором умоляющих стонов и нытья. Фриш даже упал лицом в снег и замолотил ногами в истерике — может, подражая Гердрут в ее плохие минуты, а может, и нет.

— На этот раз я говорила серьезно, — сказала Серильда, нахмурившись.

— Ну да, конечно, — и Анна расхохоталась. Она перестала кувыркаться и сейчас проверяла на прочность молодую липу, повиснув на одной из нижних ветвей и болтая ногами. — Все, как в прошлый раз. И в позапрошлый.

— Сейчас я не шучу.

Дети уставились на нее, не зная, верить или нет.

И это справедливо, решила Серильда. Сколько уже раз она говорила им, что больше не станет рассказывать истории? Нет, она твердо решила, что станет образцовой учительницей. Благовоспитанной и безупречной. Вот только решимости никогда надолго не хватало...

Еще одна ложь, — как и сказала фрау Зауэр.

— Но, Серильда, — заговорил Фриш, подползая к ней на коленях и жалобно глядя на нее широко открытыми глазами, — зимой в Мерхенфельде такая скука. Что же мы будем делать без твоих сказок?